

На ряду с этим наблюдаем интересное противоречие между начатками нового индивидуалистического понимания мира чувства, в частности чувства любви, — и старым, унаследованным от средневековой эпохи, позагавшим движущую причину чувств и действий людей во внушении духов доброго и злого. В нашей драме это старое начало сказалось во вставке 4-го явления, содержащего традиционный в древней литературе, особенно агиографической, мотив вмешательства в действия и чувства людей ангелов и бесов. Так, представитель «доброего» начала ангел побуждает Иудифу идти в лагерь Олоферна и ведет из-за нее «прение» с представителем «злого» начала — бесом, который, наоборот, будет «помогати всяко» Олоферну и разжигать в нем любовную страсть к Иудифе для посрамления последней. Подобно тому как в одной из «купеческих» повестей XVII в. бес внушил молодой жене Бажена страсть к купеческому сыну Савве Грудцыну, — здесь тот же бес внушает Олоферну страсть к Иудифе. Налицо интерес к любви как «земному» чувству, но нет еще ее признания и тем более — той ее идеализации (с чертами сентиментализма), которую наблюдаем в иных литературных произведениях петровского и особенно последующего времени.

Как видим, на ряду с нарождающимся новым пониманием мира чувств и человеческих действий, в тогдашней литературе жило еще и старое их понимание. Противоречивое сосуществование старого и нового, иной раз в одном и том же произведении (как это видно в нашей пьесе), отражает классовые сдвиги и антагонизмы «переходной» эпохи начала XVIII в. и представляет собой интересное стилевое явление.

Как произведение драматического искусства, новонайденная пьеса отличается также переходным характером, не укладывающимся целиком ни в один из известных нам типов старой драмы. Оттолкнувшись, как мы видели, от «английского» типа удалением напыщенного пафоса, грубокомических эпизодов, отсутствием нагромождения вокруг центрального события — ядра пьесы — множества действующих лиц и второстепенных эпизодов, ликвидацией сложной двухступенной системы построения драмы в «действиях» и «сценах», заменой прозаического изложения стихотворным, эпичности сценичностью, — новая драма на тему об «Иудифе» не может быть целиком причислена и к распространенному в петровскую эпоху типу драм «школьных». В ней нет обычных в «школьной» драме нравочений, отвлеченно-аллегорических олицетворений, пролога, антипролога и эпилога. Имеются лишь некоторые отдельные черты, сближающие нашу драму со школьной: изложение в силлабических стихах, одностепенное деление ее только на «явления», краткие вступительные ремарки перед началом каждого